

ют, что книга Сорокина — это книга о циклическом повторении истории¹⁵. Однако, на наш взгляд, роман Сорокина содержит в себе намного больше, чем лишь мрачное политическое предсказание. В первую очередь, «День опричника» — это блестящая и чрезвычайно успешная деконструкция и утопического жанра (который иллюстрирует роман Петра Краснова), и национал-этатистской идеологии, что повлияла на его возрождение.

М. ХАБИБУЛИНА
(г. Екатеринбург, Россия)

КИТАЙ ПО-РУССКИ: ОБРАЗ ИВЫ В ЦИКЛЕ О.А. СЕДАКОВОЙ «КИТАЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»*

Одна из тенденций в постсоветской литературе — расширение семантического поля образов за счет диалога с инонациональными культурными традициями. В основе образности цикла стихов Ольги Седаковой «Китайское путешествие» лежат не впечатления от реальной поездки, например туристической, в Китай (в этой стране поэта была только в раннем детстве), но рецепция самого духа древней китайской мудрости.

Один из центральных образов в цикле — образ ивы. Архетип «мирового древа» является общим для всех культур, именно поэтому на его базе становится возможной русская «адаптация» традиции китайской пейзажной лирики. «Дерево — многозначный древнейший образ-символ»¹, «характерный для мифопоэтического сознания и воплощающий универсальную концепцию мира»². Астральное «мировое дерево» выражает «формы жизни в органических взаимосвязях и человека — как части натурального космоса и представляет Вселенную, законы жизни и человека как неразрывное целое»³.

¹⁵ См., напр.: *Парфенов Л.* История возвращается не только в виде фарса...; *Соколов Б.* Старая новая Русь.

* Работа выполнена в рамках научного проекта «Современный литературный процесс: тенденции и авторские стратегии» при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (гос. контракт № 02.740.11.5002).

¹ *Эпштейн М.Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 143.

² *Дерево // Мифы народов мира энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1987. Т. 2. С. 398.*

³ *Эпштейн М.Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...». С. 143.

Ольга Седакова, отвергая бытующее мнение о стилизованности ее лирических книг, пишет: «Иногда они выражены в каком-то одном тоне («китайском», «античном», «средневековым»), но это не стилизации, не переводы, не обработки готовых тем. Стильность такого рода — приблизительно то же, что тонированная бумага для рисовальщика: иному рисунку приятнее расположиться на какой-нибудь подцветке»⁴.

Так, в рамках «Китайского путешествия» О. Седакова предпринимает попытку воссоздать картину мироздания в том виде, в котором она была воплощена в классических памятниках древнекитайской литературы: «Лао-цзы», «И-цзин» и поэзии Ли Бо. При этом О. Седакова сохраняет вполне «европоцентрический взгляд»⁵.

Соответствующий китайский колорит создается при помощи тонко очерченного автором предметного мира, куда входят воды, небо, водный путь, звезды, луна, солнце, гора, Китай.

Книга стихов имеет множество повторяющихся, сквозных мотивов, где центральное место занимает образ ивы, семантическая наполненность которого подчиняется мифологическим представлениям народов Древнего Востока.

В первом тексте ива предстает как символ Китая:

Родина! вскрикнуло сердце при виде ивы:
такие ивы в Китае,
смывающие свой овал с великой охотой,
ибо только наша щедрость
встретит нас за гробом.

У китайцев ива – символ родины, символ самой Поднебесной. Поэтому-то она вызывает у лирической героини восторг. Схожее восприятие родины несет в себе стихотворение Ли Бо «Весенней ночью в Лояне слышу флейту»:

Слышу «Сломанных ив» мелодию,
Светом полную и весной...
Как я чувствую в этой песенке
Нашу родину — сад родной!

В Китае при разлуке было принято отламывать веточку ивы и давать на память уезжающему. Поэтому сломанная ива или ветка ивы символизируют прощание, печаль в разлуке и тоску по родине. Таково

⁴ Седакова О.А. Стихи. М., 2001. С. 5.

⁵ Шествие путем: Ольга Седакова отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского. Ч. 2. Режим доступа: [http // www.topos.ru/article/990](http://www.topos.ru/article/990)

значение ивовой ветки и в пятом стихотворении «Китайского путешествия», наполненном предчувствием вероятного расставания с близким человеком:

Отвязанная лодка
 плывет не размышляя,
 обломанная ветка
 прирастет, да не под этим небом.

Цель восточной эстетики состоит в том, чтобы достичь истинной сути источников гармонии жизни: как в живописи, так и в поэзии каждый штрих должен быть «живой формой», воссоздающей гармонию и таинство мироздания. Согласно этому в книге стихов Седаковой создаются цельные картины, и, по утверждению самого автора, «китайский цикл — попытка аналогового прозрачного рисунка»⁶ в духе традиций восточной живописи, причем как китайской, так и японской:

Крыши, поднятые по краям,
 как удивленные брови:
 Что вы? неужели? рад сердечно!
 Террасы, с которых вечно
 видно всё, что мило видеть человеку:
 сухие берега, серебряные желтоватые реки,
 кустов неровное письмо — любовная записка,
 двое прохожих низко
 кланяются друг другу на понтонном мосту
 и ласточка на чайной ложке
 подносит высоту:
 сердечные капли, целебный настой.
 Впрочем, в Китае никто не болеет:
 небо умеет
 вовремя ударить
 длинной иглой.

В культуре древних славян ива также занимает значительное место. Славяне считали вербу = иву священным деревом, фигурирующим во многочисленных славянских мифах и обычаях: «Стародавние предание о Перуновой ветке сочеталось у славян с вербою, как общепринятым знамением тех зеленых вай, с которыми встречен был Спаситель при входе в Иерусалим»⁷.

⁶ Шествие путем: [http // www.topos.ru/article/990](http://www.topos.ru/article/990)

⁷ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 2 т. М., 1868. Т. 2. С. 199.

Ива имеет христианскую семантику: ивовые ветви (ветви вербы) несут как символ пальмовых ветвей на Пальмовое (Вербное) воскресенье. Славяне приписывали иве волшебные свойства, считалось, что ветки ее способны уберечь человека от всяческих несчастий и козней злых духов. Кроме того, она выполняла роль Перуновой лозы в празднике летнего солнцестояния — Ивана Купала.

Как и во многих других культурах, у славян ива была символом женственности и деторождения.

Семантика образа ивы в стихотворной книге О. Седаковой «Китайское путешествие» и соответствует традиционной смысловой наполненности образа-символа, и получает дальнейшее развитие.

В первом стихотворении «ива» предстает как символ Китая, при этом лирическое «я» выводит читателя через рассуждения о природе к философским размышлениям о высшем назначении любого существа на земле, вводит категории жизни и смерти. Благодаря такому расширению семантического поля, образ ивы наполняется высшей, духовной сущностью, которая непосредственно раскрывается в третьем стихотворении через сближение образа ивы с образами пагоды и дороги, как основы Дао: «Деревья мои старые — / пагоды, дороги!» Строки «обломанная ветка / прирастет, да не под этим небом» звучат как прямая отсылка к иному, неземному миру, высшему модусу бытия, воплощенному в облике экзотического пространства «далекого Китая». Так, по утверждению автора, «„Китайское” — это как бы путешествие в Рай, в некое эдемское состояние»⁸. В завершающем книгу, восемнадцатом, стихотворении земное, воплощенное в мотивах воды и дерева, объединяется в хвале природе, ее постоянству и тому знанию о бессмертии, что мы получаем от нее:

Похвалим веток бесценных, темных
купанье в живом стекле
и духов всех, бессонных
над каждым зерном в земле.

Кульминационным в развитии лирического тона и динамики поэтического мира является тринадцатое стихотворение цикла. Смысловым ядром стихотворения служит оппозиция «любовь как культурная, сложная, утонченная, творческая совместность / разрыв как нечто простое, стандартное, бездарное, вульгарное»⁹.

⁸ Шествие путем: [http // www.topos.ru/article/990](http://www.topos.ru/article/990)

⁹ Жолковский А. «Неужели..?» (Ольга Седакова, «Китайское путешествие», 13) — Режим доступа: [http // www.magazines.russ.ru/zvezda/2007/11/zhz12-pr.html](http://www.magazines.russ.ru/zvezda/2007/11/zhz12-pr.html).

Неужели и мы, как все.
как все
расстанемся?

Знающие кое-что
о страсти быстрее конца.
знающие кое-что
о мире меньше гроша —
пусть берут, кому нужен, —
знающие, что эта раковина – без жемчужин,
что нет ни единой спички, свечки, плоски.
кроме огня восхищенья,
знающие, откуда приходит
звучанье и свеченье. —
неужели мы расстанемся, как простые невежды?

Не меньше, чем ивы
вырастать у воды,
не меньше, чем воды
следовать за магнитом звезды,
чем пьяный Ли Бо заглядывать
в желтое, как луна, вино
и чем камень опускаться на дно,
любящие быть вместе —
неужели мы расстанемся, как простые скупцы
И грубияны?¹⁰

Стихотворение открывается вопросом: «Неужели и мы как все, как все расстанемся?», — который выступает в качестве трехкратного рефрена, разбивающего текст на две части и одновременно обрамляющего их. При этом простота, вступающая в конфликт с любовью как стремлением быть вместе, подчеркивается построением фраз: они не зарифмованы и представляют собой бесхитростные речевые акты (прямые вопросы), выраженные в коротких и синтаксически несложных предложениях.

Первое восьмистишие настойчиво выражает мысль об особом духовном превосходстве героев, причастных тайнам метафизики, обесценивающей мир, который «меньше гроша», богатства его обманчивы, как «раковина без жемчужин», а физическое горение «спичек, свечек, плосек» уступает божественному огню вдохновенья. Таким образом,

¹⁰ Седакова О.А. Стихи. С. 207.

«лаконичным опасениям впасть в вульгарность противостоит длинное перечисление надежных, судя по всему, культурных противоядий»¹¹.

Второе восьмистишие также предстает в качестве доказательства гармоничности взаимного притяжения героев, аргументом здесь выступает сравнение лирического «мы» с серией явлений внешнего мира, так же обладающих свойством «любви к совместности»:

Не меньше, чем *ивы*
 вырастать у *воды*,
 не меньше, чем *воды*
 следовать за магнитом *звезды*,
 чем *пьяный Ли Бо* заглядывать
 в желтое, как луна, *вино*
 и чем *камень* опускаться на *дно*,
 любящие быть вместе
 <...>

Данные природные мотивы являются постоянными для древнекитайской классической поэзии и раскрывают аллюзивное богатство «Китайского путешествия». Так, прообразом ив Седаковой, «любящих вырастать у воды», является «ветка ивы», глядящая в воду и служащая метафорой разлуки, в поэзии Ли Бо:

Смотри, как ветви ивы
 Глядят воду —
 <...>
 А там красавица
 Сидит тоскливо,
 Глядит на север,
 На простор долин,
 И вот —
 Она срывает ветку ивы
 И посылает — мысленно —
 В Лунтин.
 (*Ли Бо. Ветка ивы*)

При всем интеркультурном богатстве стихотворения О. Седаковой единственной в тексте открытой метапоэтической отсылкой является отсылка к фигуре Ли Бо, с чьей жизнью и творчеством обнаруживаются многообразные переключки: к числу его любимых тем и мотивов, относятся образы воды, луны, нередко отраженной в воде, звезд;

¹¹ Жолковский А. «Неужели..?» (Ольга Седакова, «Китайское путешествие»...

вина, чаши, опьянения; дружбы, любви и расставания — с женой или друзьями.

В стихотворении О. Седаковой сквозные образы предстают парами, символически представляющими «весь мир»: «ивы — вода» — природное соседство, задающее горизонталь и объединяющее земную и водную стихии; пара «воды — звезды» представляет верх и низ, воду и небо, связанные законом прилива; образный комплекс «пьяный Ли Бо — вино» раскрывает не только физиологическую зависимость, освященную и литературным каноном, но и жизнь и поэзию как некое единство; конструкция «камень — дно» задает движение вниз под действием силы тяжести. Названные пары тяготеющих друг к другу явлений сообщают «любви-совместности» статус универсального онтологического закона, в противоположность которому, однако, выступает «принцип распада», как неизбежный исход единства: «Неужели и мы, как все, / как все / расстанемся?».

Лирический субъект стихотворения, выраженный в многозначном «мы», не вполне определен и не может быть конкретизирован. Несмотря на вероятность разрыва, речь в стихотворении ведется от имени любящих как единой лирической инстанции. Однако смысловая наполненность местоимения «мы» может быть связана с парными комплексами лейтмотивов, представленными во втором восьмистишии. Согласно этому распадаются либо части природного мира — земля, вода, небо, либо разрыву подвергаются связи культурные — поэт и поэзия. Если же опираться на смысловую и образную целостность стихотворной книги, то расстающимися субъектами выступают лирическая героиня и Китай.

Итак, в образе ивы в избранном стихотворении путем аналитического расчленения можно выделить следующие семантические оттенки. Соседствуя с водой, ива вносит умиротворяющие, элегические ноты в лирическую атмосферу стихотворения, а также, вкупе с луной, указывает на таинственную, интуитивную жизнь души, на иные миры, с оттенком мистичности и таинственности, что соответствует европейской культурной традиции. Далее, в славянской мифологии ива — символ Перуна, следовательно, присутствие подспудного «огненного» значения ивы снимает жесткость противопоставления второй («водной») части стихотворения. Будучи частью христианской символики, ива свидетельствует о вхождении Иисуса Христа в Иерусалим, тем самым обретает семантику искупительной жертвы и всепрощающей любви. В соответствии с китайской традицией ива — часть семантического комплекса «пути Дао», того пути, который ведет к обретению гармонии и бессмертия через самосовершенствование. В ткани самих стихотворений разные оттенки культурных значений синтезированы в

мерцающий, трудноуловимый, глубоко личностный и в то же время обобщенно-философский смысл. Таким образом, сама структура художественного образа противостоит идее «расставания».

Поэтический диалог западной и восточной традиций в структуре поэтического образа отвечает пафосу открытости культурного сознания поэта, вопреки «закрытости» советского общества и узко понятой «народности».